

В газетах оккупационного периода было достаточно много информации о жизни населения на местах. Большая часть материала дублировалась в листовках, которые в большом количестве распространялись по городу и в деревнях.

Все газеты широко иллюстрировались многочисленными фотографиями хорошего качества. Первые страницы занимались победными репортажами германских войск и фотографиями фюрера, немецких генералов и министров. Заголовки печатались в виде лозунгов крупным шрифтом чаще ярко-красной краской. На последних страницах помещались крупные фотографии разбитой советской техники, советских военнопленных, казненных партизан и т.д.

Работали в городах проводное радио и местные радиостанции, передачи которых тоже служили целям идеологической пропаганды. Большое внимание уделялось и обработке подрастающего поколения. В местных газетах были специальные рубрики для детей, на местном радио – детский час. Учителей обязывали подписываться на газеты и журналы, издаваемые оккупантами, они же должны были распространять печатные издания, за успешную подписку распространители премировались¹.

Население были просто оглушено потоком навязываемой им информации. Разобраться в истинном положении дел было трудно, не удивительно, что люди падали духом.

Разгром фашистов под Москвой, срыв планов «Молниеносной войны», сама оккупационная политика по отношению к населению позволили партизанам и подпольщикам развернуть активную боевую и политическую деятельность. Уже к концу 1942 года советской пропаганде удалось наладить работу на оккупационной территории России. Большой отклик среди населения имели советские листовки. Фашистские пропагандистские акции, проводимые через средства массовой информации умело и систематически разоблачались советской стороной.

Несмотря на большой опыт идеологической работы, широкое финансирование средств массовой информации, пропагандистских мероприятий, оккупационные власти не достигли желаемых целей. Наступление Красной Армии, широкий размах партизанского населения были ответом на все пропагандистские акции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елисеев И. Архивные тайны // Островские вести. – 2001. – №: 67, 68.
2. Пирожкова В.А. Мои три жизни. – СПб. : 2002.
3. Попова О.В. Пропагандистская работа оккупационных властей среди населения псковского края // Псковская губерния и ее архив: история и современность. – 2001.

А.И. ГОЛЫШЕВ

НАСЛЕДИЕ Ю.П. СПЕГАЛЬСКОГО КАК РЕСУРС РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ. (ОПЫТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА).

Рассматриваются традиции по охране и реставрации историко-культурного наследия, созданные Ю.П. Спегальским, определяющие сегодняшнюю социокультурную ситуацию Пскова.

Анализ социокультурной ситуации в Псковской области выявляет главную ее доминанту – памятникоохранительную культуру населения. Причем, главным аргументом видится не количество сохраненных памятников и выявление новых, не масштабные археологические раскопки, научные конференции и семинары по этим темам и т.д., а, прежде всего участие широкой общественности в судьбе историко-культурного наследия, многочисленных дебатах о судьбах памятников, претензии к реставрационным работам и городской застройке, прении и публичные скандалы, реальные действия псковичей, протестующих против нарушений законодательства об охране памятников и т.д. Культурологическая проблематика всегда одновременно и теоретическая, и практическая. В основе культурологического подхода к любому предмету находится антропологический

¹ ГАПО «За Родину», 1943, – №49.

принцип, требующий редукции этого предмета к субъективным духовным и индивидуальным человеческим основам. В области созданы и действуют с разной мерой активности общество охраны памятников, ассоциация реставраторов, клубы краеведов, центры народной культуры, музеи на общественных началах, поисковые отряды и т.д. Их отличительной особенностью является детерминирующая роль руководителя, как правило, неформального лидера, формирующего особую среду общения, в которой личность, встречается со значимыми для себя людьми, субъективно воспринимая их как свой, или близкий ему идеал, как проекцию своего «Я». Идентификация с ними (по А.П. Маркову) включает психологический механизм резонанса, который переводит содержание другого во внутреннюю плоскость – в единицы духовного мира личности (1). Именно в этой среде происходит формирование интересов, постижение культурных традиций, вовлечение человека в социокультурное творчество, а именно так мы рассматриваем памятникоохранительскую деятельность, базирующуюся на синтезе знания и веры, на единстве информационно-логического и эмоционально – образного постижения. Каждая культура свою духовную сущность образует и представляет в форме этического идеала, который персонафицируется в образах и представляет собой ее духовную сущность. Поэтому поиск и востребованность значимых образов, вызывающих интерес, затем доверие, желание подражать, пробуждает в человеке энергию самосозидания, которая помогает не только понять свое предназначение, но и подводит к активным действиям.

Историко-культурное наследие Псковщины привлекало многих исследователей, которые затем долго и беззаветно служили ему. Это, прежде всего создатели Псковского археологического общества И.И. Василев, К.Г. Евлентьев, Ф.А. Ушаков, Н.Ф. Окулич-Казарин и др. В новом времени – Белецкий В.Д., Седов В.В., Лабутина И.К., Морозкина Е.Н. и т.д. Но совершенно особое место в изучении, спасении и реставрации псковских памятников их популяризации, в организации культурной жизни города, вошедшего в число 15 наиболее пострадавших от войны древнерусских городов, занимает Юрий Павлович Спегальский.(2) Коренной пскович. Выпускник архитектурного факультета ЛИСИ. Еще, будучи школьником, в 1927 году он публикует в краеведческом журнале «Познай свой край» свою первую статью «О значении древнепсковской архитектуры». Эта тема становится лейтмотивом всей его жизни.

Унаследовав от отца тайны искусства каменщика, Ю.П. Спегальский мечтает о самоличном восстановлении псковских памятников. Ему многое удается. В 1944 году он приезжает в только что освобожденный город, чтобы возглавить областную инспекцию по охране памятников. Разрабатывает уникальную систему охраны и сохранения историко-культурного наследия. В 1946 открывает реставрационную мастерскую. Издает свою первую книгу «Псков. Исторический очерк». Участвует в конференциях, в работе музейного совета и областной архитектурной комиссии, читает лекции, проводит беседы и многочисленные экскурсии по памятникам. Одновременно учит «каменосечной хитрости» своих рабочих, только что вернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны. Засыпает руководство области и страны письмами с просьбой об активизации помощи в проведении реставрационных работ. В 1947 году он пытается приступить к реализации «Перспективного плана реставрации, восстановления и консервации памятников архитектуры города Пскова». По мнению М.А. Кузьменко за период с 1945 по 1948 г.г. он разработал около десятка проектов реставрации и консервации центральных памятников. Однако его настойчивость, максимализм, требовательность к предварительному детальному изучению памятников, неуступчивость в вопросах сохранения архитектурного наследия вызвали раздражение у властей города и области, которые не считали эти проблемы первоочередными. Вместе с тем вокруг него объединяется круг единомышленников. Его поддерживают видные ученые: И.Э. Грабарь, Д.С. Лихачев, Г.Г. Гримм, М.К. Каргер, П.А. Раппопорт и др. Он завоевывает популярность не только как архитектор-проектировщик и реставратор-каменщик, но и как автор научно-популярного жанра, блестящий книжный иллюстратор и художник декоративно-прикладного искусства. Само знакомство со Спегальским было не только модным, оно как бы свидетельствовало о приобщенности к историко-культурному наследию. Страстная и неумная его деятельность по привлечению к проблемам псковских памятников широкой общественности стало исходной точкой формирования важнейшей памятникоохранительной традиции. Благодаря этим усилиям в 1952 году Совет Министров РСФСР принял постановление о

реставрации Псковского кремля. Но Ю.П. Спегальского в Пскове уже не было. В 1948 году он возвращается в Ленинград, но и там продолжает работать над темой, определенной для себя раз и навсегда. В Псковскую реставрационную мастерскую прибывают новые архитекторы: В.А. Лебедева, Н.С. Рахманинова, В.П. Смирнов, Б.С. Скобельцин, М.И. Семенов, Ю.М. Суслеников и др. Опираясь на методологию и методы Спегальского, разработанные им перспективные документы, создавалась одна из лучших в России того времени псковская реставрационная школа. Научность, культуросотворчество, пассионарность, сформированные Спегальским, стали ее отличительной чертой. Сама реставрационная мастерская стала центром общественного движения за сохранение историко-культурного наследия, что не могло не вызывать определенных опасений у властей. Многие идеи Ю.П. Спегальского и сегодня не только не потеряли своей актуальности, но во многом являются определяющими. Д.С. Лихачев считал его явлением исключительным, сделавшим для старого Пскова столько же, сколько Апполинарий Васнецов для старой Москвы. Его реставрационная деятельность, научные исследования, художественное творчество, бескомпромиссная борьба за сохранность Псковской старины, как и сам его колоритный образ, хорошо запомнившийся современниками, стали главной точкой отсчета в создании традиций охраны памятников, привлечения к ней самых широких слоев населения, формировании памятникоохранительной культуры. Более гонимый, чем обласканный, он в памяти псковичей снискал образ последнего хранителя древнего Пскова. Обладая высоким культурно-нравственным статусом, его образ стал обобщающим символом не только псковской, но и российской культуры. Более того, в период духовного кризиса, резкого снижения смыслообразующей роли нравственных ценностей, кардинальных изменений в социокультурной жизни общества востребованность подобных референтов является важнейшим фактором, обеспечивающим преемственность историко-культурного процесса и его культуросотворческой основой развития. В 1973 году при президиуме ЦС ВООПИК была создана комиссия по охране творческого наследия Ю.П. Спегальского. В 1982 году одна из улиц Пскова была названа его именем. В 1986 – в квартире, где он жил был открыт музей, один из первых музеев в стране, посвященный жизни и творчеству архитектора-реставратора. В 1989 году на этом доме была открыта мемориальная доска. По инициативе общественного объединения «Землячество» псковичей в Ленинграде, созданного специально для охраны и пропаганды псковских памятников, Губернатором Санкт – Петербурга в 1998 году было принято распоряжение «Об установке мемориальной доски Ю.П. Спегальскому» на доме № 2 по Малой Конюшенной улицы Санкт - Петербурга: «В этом доме с 1948 по 1968 год жил архитектор, художник, реставратор, крупнейший исследователь древнего Пскова Юрий Павлович Спегальский». Можно сказать, что это и запоздалая дань благодарности великому псковичу, и в большей мере – поиск и определение новых путей развития культуры региона, востребованность традиций охраны памятников в период массовой застройки городской территории и реализации постановления Совета Министров СССР № 716 «О комплексной реконструкции и реставрации памятников Новгорода и Пскова», необходимость музейного и экологического просвещения населения, создания новых форм культурной деятельности, счастливая возможность использовать персонифицированный идеал Спегальского, ресурсом современной социокультурной деятельности. Проблемы сохранения и использования памятников стали главными направлениями в комплексных программах развития культуры и искусства Псковской области». 2009 год объявлен в Пскове годом Ю.П. Спегальского.

Культурологические идеи Спегальского неисчерпаемы. Но, прежде всего, его заслуга в том, что, применяя передовые историко-археологические, архитектурные и технические методы исследования он открыл новые страницы в истории и культуры древнего Пскова. Первым, из исследователей, приступил к изучению гражданского зодчества, доказал, что в конце XIV – первой половины XV веков произошло становление его самобытных черт. Именно в Пскове древние гражданские здания сохранились в таком количестве, что их изучение позволило «судить об общих чертах, присущих всему древнерусскому гражданскому зодчеству» (3). Отсюда столь ревностное отношение Спегальского к памятникам любой сохранности. Комплексный подход к памятнику, способность увидеть его с общеисторических, общеархитектурных, технико-технологических, конструктивных и функциональных позиций позволили ему постичь историю Псковского зодчества в подлинно научном свете. Рассматривать его в контексте внутреннего устройства, оборуду-

дования и убранства. Привлечь к нему внимание. Доказать серьезное влияние псковской школы на общерусские традиции, сделать революционный вывод об уникальности, изысканности и комфортности русской допетровской гражданской архитектуры. Верхом его научной деятельности, подводившей итог 25-летнего исследования, стала монография «Псковские каменные жилые здания XVII века». Одной из оценок его блестяще защищенной диссертации по этой теме были слова одного из членов Ученого совета: «...Впервые устанавливается новый факт среди сведений об архитектуре нашей Родины о существовании верхних деревянных собственно жилых этажей на каменных палатах XVII в., факт значительный не только для Пскова, но и для многих городов Руси» (4). Сегодня можно констатировать, что это институализировало общерусский композиционный прием и архитектурный принцип гражданского строительства. Это открытие, как и многие другие, далеко выходит за рамки псковской архитектуры и имеют общерусское значение. Спегальским была разработана методология изучения жилой деревянной архитектуры Северо-Запада Руси IX-XIII веков, методика установки главы на повышенные подпружные арки, основы шатровых каменных храмов и т.д. Он убедительно доказал, что именно Псков стал главным русским центром возрождения искусства керамики в после-монгольский период. Эти выводы являются путеводными для современных исследователей, реставраторов, художников и народных мастеров декоративно-прикладного искусства. Его недюжинный талант художника, влюбленность в образы псковской архитектуры, не покидавшая его даже в самые зловещие дни Ленинградской блокады, позволяли ему анализировать культурные процессы не только с их предметной стороны, но и в аспекте человеческих смыслов и образов. Его серия рисунков «По Пскову XVII века» – стихийное проявление культурологической рефлексии, художественно-образное представление древнепсковской культуры. Он даже одевался соответствующим образом. Вся домашняя обстановка: столешницы, люстры, сервант, шкаф, коробки, шкатулки, занавеси и панно, пряничные доски, броши и т. д. были сделаны им самим и расписаны в традициях прошлого. Но при полном отсутствии, как отмечала О.П. Аршакуни, стилизации. Это был его собственный неповторимый художественный, поэтический мир (5). В древнепсковском жилище изразцовая печь занимала одно из главных мест. Что бы возродить ее Спегальский занялся реконструкцией печей XVII века. Одну из реконструкций он воссоздал у себя дома. Мечтал создать в Пскове керамическую мастерскую для изготовления печных изразцов и керамических киотов.

Глубокий научный потенциал, высочайший нравственный и патриотический пафос имели идеи Ю.П. Спегальского об охране историко-культурного наследия. Рассмотрение их с культурологических позиций позволяет преодолеть предметный взгляд, выявить их общие закономерности, сегодняшнюю актуальность. Высокое научное обеспечение реставрационных работ, уникальное художественное воображение, позволяющее увидеть интеграцию памятников в современную городскую застройку, влюбленность в древние памятники подводили его к главной проблеме – их сохранения. «Возрождение города», – писал он – «должно покоиться на двух принципиальных основах: сохранении всего того, что осталось от древнего Пскова, и поисках новой ... архитектуры» (6). Он разрабатывает план создания системы охранных зон, т.н. архитектурных заповедников, подразумевающий широкий методологический подход к реконструкции древнего города, сохраняющий не только памятники, но и городскую среду, естественный ландшафт. Псков он видел городом-музеем. В основном эти предложения вошли в состав проекта генеральной планировки Пскова, принятого в самом конце 1945 года Псковским облисполкомом. Это был новаторский проект комплексной охраны и реставрации историко-культурного наследия, сыгравший важную роль в дальнейшей разработке законодательства об охране памятников в стране и научной методике организации охраняемых исторически сложившихся городов и их развития. Формализованное понятие охранной зоны появится только в 1982 году в Постановлении № 865 Совета Министров СССР «Об утверждении Положения об охране и использовании памятников истории и культуры». Инструкция «По организации зон охраны недвижимых памятников истории и культуры» Министерства культуры СССР, согласованная с Госстроем СССР, будет утверждена в 1986 году. Спегальский вновь опережает время. Практически закладывает фундамент памятникоохранительной культуры нового времени. Он настоятельно, писал Ю.С. Ушаков, прослеживал мысль о богатом опыте народа по созданию гармоничной городской среды,

уязванной со средой природной, о непереносимости функциональной и эстетической сторон архитектуры. Его проекты архитектурных заповедников и детальной планировки центра города, как отмечала Г.П. Боренко, – положили начало научному подходу к реконструкции исторически – ценной планировочной структуры в процессе изменений ее функционального использования (7). Градостроительные приемы Ю.П. Спегальского заключались в объединении кварталов особой историко-художественной ценности, посредством воссоздания направлений древних улиц и площадей в их прежних конфигурациях и размерах. Обладая уникальным художественно-образным мышлением, он искал пути естественной планировочной и объемно-пространственной связи реставрируемых памятников, сохраняемых комплексов с новой застройкой, сомасштабности их с планировочными элементами древних улиц. Памятник, оторванный от окружения, которое он организовал, лишенный тех точек зрения и того фона, на который он был рассчитан, подчеркивал Ю.П. Спегальский, – мертвый памятник, и не только мертвый, но и искаженный (8). Естественно, что подобные мысли, понятные только специалистам, вызывали большие нарекания у руководителей области, рождали недоверие к его работе в то время как он проявлял себя настоящим стратегом, носителем культурных традиций. В «Пояснительной записке к проекту планировки архитектурных заповедников в Пскове» (1945-1947 гг.) он писал: «Конечная цель, проводимой в настоящее время работы по сохранению и изучению памятников, как и смысл самого существования памятников, кроме их общепросветительского значения, усматривается и в том, как оказать существенную помощь в деле воспитания в наших строителях и архитекторах лучших качеств, помочь развитию их талантов, и в том, что бы на основе изучения русского зодчества наглядно выявить его наиболее ценные традиции и особенности, достойные продолжения и развития в современном строительстве» (9). Анализируя его материалы, посвященные памятникоохранительным проблемам, важно отметить следующее: Юрий Павлович, проявил себя талантливым культурологом, стихийно подойдя к категориям, которые еще не были формализованы в науке. Он предвосхитил понятие имманентного характера памятника, т.е. скрытого до тех пор, пока человек не « прочтет» его и не включит в контекст своей жизни. Спегальский писал что, наша задача найти в творчестве русских зодчих его наиболее мудрые черты и качества, с тем, чтобы их не просто перенести и приложить к делу в соответствии с требованиями и условиями нашей жизни, но именно там, где это будет для нас полезно (10). Он правомерно рассматривает историко-культурное наследие функцией предметного мира, выделяемого и используемого для передачи социокультурных традиций из прошлого в будущее. Более того, предполагаем, что реализацию традиций он видел в трех срезках: приобщение людей к историко-культурному наследию, обучение приемам и правилам его «потребления» и развитие творческой активности личности, формирование потребности участия в практических делах. Исходя из этого, можно предположить, что культурологическим следствием архитектурных заповедников ему виделось формирование активной историко-культурной среды города, создаваемой на основе единой культурной политики. «Цель охраны и изучения памятников, – утверждал ученый, – помогать воспитанию масс и таким путем содействовать развитию, как духовной, так и материальной культуры народа» (11). В 1968 году, получив неожиданное приглашение, Юрий Павлович возвращается в Псков и возглавляет реставрационную мастерскую. Этот период продлится всего 150 дней. Но за это время он создает свою стратегическую работу, завершающую его научные изыскания в области охраны памятников «Перспективный план реставрации, восстановления и консервации памятников архитектуры города Пскова» (1968-1969 гг.). В состав проекта вошли расширенные положения об архитектурных заповедниках из первого плана (1945-1947 гг.), графические схемы архитектурных комплексов и планировочных структур, предложения по использованию памятников после реставрации.

Ю.П. Спегальский сформулировал и осуществил важный культурологический принцип, согласно которому реставрационную деятельность он рассматривал транслятором социокультурного и художественного опыта предшествующих поколений. В проблеме реставрации наследия он видел не только реставрацию конкретного памятника, а, прежде всего сохранение и передачу системы духовных ценностей. Он неоднократно подчеркивал, что в архитектуре сосредоточено лучшее, что есть в народе, его богатейшие духовные и творческие силы. Хорошо понимая народную культуру, ее великие и глубинные ценности, он опирался на них в своем творчестве. Персонализировал творцов псков-

ской архитектуры – народных зодчих, которые «художество творили по мудрости народной». Спегальский впервые уделил сущностное внимание самой личности каменщика, считая каменную архитектуру областью его самостоятельного творчества. В прочтении их почерка и определении замыслов, он находил правильные реставрационные решения. В этом ему помогал его богатейший опыт каменщика. Детально исследовал строительные материалы, которые использовали древние мастера. Выявил теснейшую связь (по Ю.С. Ушакову) между конструктивной логикой кладки псковских мастеров-каменщиков и рождением архитектурных форм. Считал, что самобытность псковской архитектуры во многом определялась свойствами известняка, главного строительного материала, и особенностями организации труда артели строителей. Исследовал строительную технику древних. Не допуская никакой фальши, он развенчал очень популярный тезис, восхваляющий неправильную пластичность кладок, «лепку как бы от руки» на памятниках. Доказал, что псковские каменщики не могли допускать этого, так как всегда «работали правильно», использовали отвес и ватерпас. А неровности – следствие позднейших деформаций, воздействие атмосферных условий, выветривания камня и т.д. Эти наблюдения, богатая реставрационная практика, позволили Спегальскому подойти к одной из важнейших культурологических проблем – принципу формообразования. Во многих своих работах он предостерегал современных реставраторов от вмешательства в облик памятника, в авторское начало древних мастеров, стилизации его под свое видение. Считал необходимым сохранение памятника или его частей независимо от технического состояния. Настаивая на тщательном предварительном обследовании памятника, он подчеркивал, что его подлинное изучение начинается только с производством строительнореставрационных работ, поскольку именно они выявляют подлинные формы и объемы. Горячо отстаивал недопустимость разделения реставрационной мастерской на проектную часть и производственную, что вскоре и произошло, и не только в Пскове. Это была его точка зрения на проблему дифференциации авторского материала и восполнения фрагментов, которая активно будет обсуждаться культурологами только через несколько десятилетий. Он считал, что итогом работы реставратора должен быть не формально воссозданный объем, а живая историко-художественная достоверность, возрожденная на основе детального и тщательного изучения памятника. Он предполагал, что возрожденный исторический центр Пскова станет архитектурно-музейным комплексом, которому будет придано «живое, внутреннее содержание», в котором россияне смогут постичь величие древнепсковской культуры, приобщиться к великому наследию прошлого, найти для себя форму творческой деятельности и самовыражения. Еще в 1958 году он писал, что если бы современный человек мог побывать в Пскове XVI-XVII вв., он был бы потрясен до глубины души открывшимся перед ним богатством искусства. Реставрацию памятников он считал признаком высокой культуры народа, поскольку она представляет собой неразрывное единство производства строительных работ, укрепление памятников и научных работ по их исследованию. «Реставрация, – писал он, – область деятельности, которая соприкасается равно тесно и с историей архитектуры, и с исследованием памятников, и со строительной техникой, как прошлого, так и современной, и с технологией материалов, подчас со своеобразной архитектурной археологией, и с изобретательством в области технических средств сохранения памятников» (12). Реставрацию он называл непревзойденным методом изучения памятника, историко-культурный потенциал которого необходимо использовать в воспитательных, просветительных и научных целях. Все это позволяет считать Спегальского не только создателем псковской реставрационной школы, но и одним из первых теоретиков реставрационного дела. Напомним, что только в начале 90-х годов прошлого века в вузах появилась специальность «Реставрация и реконструкция архитектурного наследия».

Творческое наследие Ю.П. Спегальского велико, хотя в полном объеме еще не исследовано. Многие материалы не опубликованы, к архивным материалам доступ затруднен. Подчас бытует мнение, что мир Спегальского ушел вместе с ним, что он не был понят, его идеи и сегодня не востребованы в полной мере. Думается, что это не так. Его весомый вклад в русскую культуру неоспорим. Устремления ученого, которые современники принимали за романтизм, были четко выверенными глубочайшими теоретическими новациями, во многом определяющими сегодняшнее развитие науки об охране историко-культурного наследия. Мир Спегальского это его «картина мира», но принадлежащая,

прежде всего, потомкам. Это особый духовный мир, проникнутый пафосом патриотизма, гражданской ответственности за судьбу народа и его историю, обеспечивающий не только преемственность, развитие, но и прорыв в актуальнейшие области культурного производства. «Художник, – писала его хранительница О.К. Аршакуни, – остается жить во всех его творениях, которые составляют самостоятельный художественный музей, украшающий Псков духовным величием преданного сердца его верного сына» (13). Последним и главным заветом Юрия Павловича Спегальского, обращенным, конечно, прежде всего к псковичам в последний день своей жизни были слова «...народ не может относиться безразлично к культурным ценностям...».

ЛИТЕРАТУРА

1. Марков А.П. Персонифицированный идеал как ресурс образовательной деятельности // Высшее образование в России, 2004. – № 2. – с. 2.
2. Спегальский Ю.П. (1909-1969) архитектор-реставратор, ученый, художник, автор многих книг и исследований по архитектуре древнего Пскова.
3. Спегальский Ю.П. Псковские каменные жилые здания XVII века. – М., Л., 1963. – с. 5.
4. Аршакуни О.К. Народное зодчество Пскова. – М.: Стройиздат, 1987. – с. 41.
5. Аршакуни О.К. Предчувствие. – Л.: Лениздат, 1987. – с. 124.
6. Спегальский Ю.П. Псковские каменные жилые здания XVII века. – М., Л., 1963. – с. 5.
7. Боренко Г.П. Истоки градостроительного подхода к охране историко-архитектурного наследия Пскова в работах Ю.П. Спегальского // Псков. Памяти Юрия Павловича Спегальского. – Псков, 1999. – с. 45.
8. Фрагмент из выступления Ю.П. Спегальского // Народное зодчество Пскова. – М.: Стройиздат, 1987. – с. 72.
9. ГАПО, ф – 1767, С-4.
10. Аршакуни О.К. Предчувствие. – Л.: Лениздат, 1987. – с. 113.
11. Аршакуни О.К. Народное зодчество Пскова. – М.: Стройиздат, 1987. – с. 76.
12. Булкин В.А., Овсянников О.В. Ученый, зодчий, каменщик. – Л., 1983. – с. 99.
13. Аршакуни О.К. Народное зодчество Пскова. – М.: Стройиздат, 1987. – с. 71.

И.Н. ЕРМОЛАЕВ

ИОФФЕ АДОЛЬФ АБРАМОВИЧ (1883-1927) – ДЕПУТАТСКОЕ ЛИЦО ПСКОВЩИНЫ ВО ВСЕРОССИЙСКОМ УЧРЕДИТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ 1918 Г.

В статье выявляется роль депутата от Пскова во Всероссийском Учредительном собрании 1918 г. А. А. Иоффе по отношению к разгону Учредительного собрания, заключению Брестского мира, по которому Псков был передан под контроль Германии, а также «Тартуского мира», когда часть Псковской губернии отошла к Эстонии. Дается общий исторический контекст. Наряду с этим в статье обосновывается вариант конституционной преемственности Учредительного собрания по отношению к последней династии Романовых.

Иоффе Адольф Абрамович (1883-1927) – видный деятель мировой большевистской революции. Сподвижник В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого. Родился в Симферополе, в семье богатого еврейского торговца. Ещё до революции 1917 г. страдал психическим расстройством, лечился у модных зарубежных докторов. В попытках избавиться от болезни увлекся наряду с марксизмом также и фрейдизмом. Избран в январе 1918 г. депутатом Псковщины во Всероссийское Учредительное собрание по псковскому округу №6 от РСДРП(б). Руководил переговорами с немцами в марте 1918 г. по заключению Брестского мира и сдаче немцам Пскова. В феврале 1920 г. руководил переговорами с Эстонией и подписал вместе с представителем советской делегации Исидором Эммануиловичем Гуковским так называемый «Тартуский мир», по условиям которого часть территории Псковской губернии отдана Эстонии. Впоследствии причастен к троцкистской оппозиции, покончил жизнь самоубийством³.

Выборы во Всероссийское Учредительное собрание состоялись в ноябре-декабре 1917 г. Они проходили на основе подготовленного ещё при Временном правительстве

³ Иоффе Адольф Абрамович. Биографический указатель [Электронный ресурс] // Хронос. – Режим доступа: <http://hronos.km.ru/biograf/ioffe.html>